

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Краеведение. Очерки
природы и быта II.: Гобийский
Алтай и Центральная Гоби

メタデータ	言語: ru 出版者: 公開日: 2010-03-23 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: A. D. , シムコフ メールアドレス: 所属:
URL	http://hdl.handle.net/10502/3801

Краеведение

А.Д. Симуков

Очерки природы и быта

II. Гобийский Алтай и Центральная Гоби

В предыдущем очерке дана характеристика одного из таежных центров крайнего севера Монголии – хребта Кентэя. Темой настоящего очерка служит противоположный полюс монгольской природы – равнины и горные хребты Великой пустыни Центральной Азии – Гоби.

Так хорошо знакомый жителям Улан-Батора массив Богдо-ула в последний раз напоминает едущему на юг путешественнику о глухой тайге Кентэя. Сейчас же за Богдо-улой начинается холмистая степь, без единого деревца, столь типичная для Средней Халхи. Таким образом, переход от леса к степи в меридиане Улан-Батора весьма резок.

Прослеживая переход Халхаской степи в Северную и, далее этой последней, в Центральную Гоби, возьмем от Улан-Батора курс на юго-запад, чтобы охватить участок Гобийского Алтая (на этом пути лежат хребты Гурбан-Сайхан) и заглянуть в интересный уголок Центральной Гоби – окрестности реки Эцзин-гола.

Обогнув Богдо-улу с Запада и дойдя вскоре до речки Бухук, верст 30 от Улан-Батора, путник надолго прощается с реками и речками. Вода на его дальнейшем пути – колодцы, ключи и мелкие озера, нередко соленые. Несколько далее к югу невысокий горный кряж служит границей бассейна С[еверного] Ледовитого океана с одной стороны (река Тола) и огромной области бессточных бассейнов Центральной Азии – с другой. За этим водоразделом тянется та же всхолмленная степь, прорезанная местами более высокими каменистыми грядами и расчлененная широкими, размашистыми долинами с разбросанными кое-где ключиками и колодцами. Травянистая растительность этой степи обильна и хороша по качеству. Много злаков, например, ковыля. По низинам, где близка подпочвенная вода, растут заросли дэрсуна. Больших горизонтов нет. Всюду глаз

упирается в мягкие очертания холмистых гряд и пологих увалов. Эта полоса населена довольно густо. По широкой степи бродят обширные табуны лошадей, стада баранов и рогатого скота. Богатство пастбищ позволяет нескольким семьям селиться вместе. Так образуются оживленные, многолюдные стойбища, придающие столько красочности зеленой степи.

Местами встречаются маловодные пространства с бедной растительностью, напоминающие о пустыне. В таких местах растет отдельными кустами карагана и бродят цзерены, в очень населенных местах не встречающиеся. Почти везде обилён тарбаган, много сусликов и мышей. Из птиц наиболее заметны важно расхаживающие дрофы, журавли да степные орлы, часто сидящие на камнях и холмиках близ дороги; около воды часты турпаны; ящериц и змей не видно. По хорошо проторенным дорогам тянутся к Улан-Батору и от него скрипучие караваны быков. То тут, то там проезжают отдельные всадники и небольшие кавалькады. Темными точками в далеком желтом пятне дэрисуна маячат коровы ближнего аила. Степь оживлена.

Верст за 100-150 от Улан-Батора начинает сильно чувствоваться обеднение степной растительности. Злаковая степь переходит в полынную, растительный покров значительно редее. Но это все еще степь, а не пустыня.

Наконец, в 200-250 верстах от Улан-Батора уже можно сказать, что путник находится на окраине пустыни. Как-то сразу исчезает тарбаган, не видно журавлей и турпанов, появляются гобийские ящерицы и изредка змеи. Растительность становится северно – гобийской по характеру. Преобладают полынь и лук, редко рассажённые на хрящеватой, гравийной поверхности земли. Небольшие горные кряжи, встречающиеся по дороге, весьма каменисты и бедны растительностью. Вода, в виде колодцев и редких ключей, попадает все реже. Редее и население. В составе скота начинают преобладать верблюды. Изменяется и общий колорит пейзажа, переходящий от серо-зеленого к красноватым, желтым и бурым тонам. Появляются новые, типично пустынные кустарники. Внимание путника привлекает оригинальная птица пустыни – саксаульная сойка (хулан-джоро), быстро перебегающая от куста к кусту с характерным верезжаньем. На смену степным цзеренам появляются изящные хара-сульты (пустынные цзерены), отличающиеся от первых более темной, серо-желтой окраской, черным, длинным (до 20 см) хвостом и более пропорциональным и стройным сложением. Движения и повадки хара-сульты, ближайшей родственницы прославленной и воспетой северо-африканской газели, весьма легки, грациозны и изящны. Наблюдать их в спокойном состоянии вблизи – большое эстетическое наслаждение. Вспугнутые хара-сульты (или иначе

боро-цзере), прежде чем пуститься в бегство, несколько раз, подобно упругим мячикам, подсакивают на месте, надеясь лучше рассмотреть опасность.

Наконец, с более высоких пунктов дороги в ясные дни путешественник замечает на южном горизонте зубчатую линию далеких синих гор. Это – хребты Гобийского Алтая.

Помимо этих далеких, манящих гор, внимание неизменно останавливается на тех немногих местах, где есть вода, так как с водой связан отдых во время утомительного пути по пустыне, а также и более интересное проявление растительной и животной жизни, всегда интересующее путника в бедной жизнью местности. В этом последнем отношении особо интересны не населенные людьми окрестности ключей и озерков. Такие места обычно резко выделяются своей яркой зеленью среди унылых сухих окрестностей. Сами водоемы зачастую весьма миниатюрны – воду для чая приходится осторожно набирать поварешкой – но, тем не менее, они привлекают к себе и крупную и мелкую фауну окрестных мест. На болотцах, образуемых ключиками, всегда можно встретить несколько куликов; осенью или весной – пару пролетных уток, отбившихся от стаи, затем кампанию веселых трясогузок; в окружающих ключ купях дэрэсу – несколько овсянок. Кроме уток, во время пролета в таких местах можно встретить разношерстную кампанию пернатой мелочи, потихоньку от колодца к колодцу, пробирающейся на теплый юг (осенью) или обратно (весной). Время от времени из окрестной пустыни с характерным шумом и свистом прилетает на водопой стайка гобийских рябчиков (ноктру).

Млекопитающие менее заметны. Ночами из безмолвной пустыни приходят на водопой табунки антилоп (дзере), серой тенью прокрадется гобийский волк, пугает спящих пташек верткая лисица.

Под корнями дэрэсу живут многочисленные мыши, но днем их видишь очень редко. Где-нибудь, в укромном месте, притаился заяц – маленький серый толай.

Влага и растительность имеют способность задерживать несомый ветрами песок. Поэтому вокруг водоемов очень часто можно встретить небольшие барханы песка, закрепленные небогатой растительностью, главным образом, хармыком. Хармык – единственный кустарник пустыни, дающий съедобные ягоды. Ягоды эти в зрелом виде почти черного цвета, сочны и имеют несколько странный кисло – сладко – соленый вкус. Привкус соли, несомненно, зависит от избытка солей в почве. В южной Гоби (Алашань) и в Цайдаме (так наз. Верхняя Монголия), где хармык развивается особенно пышно и дает много ягод, эти последние служат, по свидетельству некоторых путешественников, немаловажным подспорьем в питании

беднейших монгол.

Под прикрытием колючих веток стелющегося по песку хармыка шныряют юркие остроголовые ящерицы (могой-гурбуль). У отверстий норок иногда греются змеи. В этих же кустах любит держаться маленькая птичка пустыни – пустынная славка. Эту птичку мне приходилось встречать на весьма почтенном расстоянии от воды.

Вернемся к Гобийскому Алтаю. Приходит день, когда перед попутчиком широко разворачивается панорама целого ряда горных хребтов с зубчатым профилем, окрашенных в синие тона разной густоты. Наиболее дальние почти сливаются с небом. Хребты эти круто взметнувшимися стенами встают над равниной, их окружающей.

По мере приближения, с них как бы спадает вуаль синевы. Глаз начинает различать основные тона слагающих горы пород и узкие щели ущелий. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что каждый из отдельных хребтов стоит как бы на пьедестале, скаты которого в той или иной мере полого спускаются во все стороны. При более внимательном исследовании этого явления выясняется, что это заложение, ведущее к подножью гор, образовалось из вынесенного некогда водой из ущелий обломочного материала – продуктов разрушения горных пород, слагающих данный хребет. Горный хребет оказывается полужасыпанным своими же собственными обломками. Чем больше какое-либо ущелье, открывающееся в окрестную пустыню, тем большая масса обломочного материала была вынесена и выносится по нему. Материал этот, по выходе из ущелья, располагается у устья последнего широким полукругом, носящим название “конус выноса”. Обломки располагаются по объему. Наиболее крупный камень остается у устья ущелья, по мере же удаления от склонов хребта обломки мельчают и постепенно переходят в мелкий щебень, типичный для равнины Гоби. Такие, ведущие к подножью гор, пологие заложения называются по монгольски “бэль”. Термин этот впервые был объяснен, как будто, Потаниным и им же введен в географическую литературу о Монголии, где и удержался.

Другой характерной особенностью хребтов Гобийского Алтая является резкость перехода от плоского бэля к высоким передовым уступам гор, круто к нему ниспадающим. Часто переход этот совершается на протяжении всего нескольких метров. Это обстоятельство, в связи с узостью горной цепи, относительной высотой и большой крутизной склонов, придает большинству хребтов Гобийского Алтая вид почти неприступных зазубренных скалистых стен. Передовые уступы заслоняют собой извилистые ущелья, полого поднимающиеся к гребню хребта, и выемки перевалов в этом последнем. Незнакомому с этими горами путнику кажется

совершенно невозможным перевалить их, тем более с караваном.

Почти все хребты Гобийского Алтая (за исключением Ихэ-, Бага- и Арца-Богдо, стоящих особняком) во многом весьма схожи друг с другом, отличаясь частностями. Скалистые горы прорезаны извилистыми ущельями, по дну которых выются сухие русла временных потоков. Склоны гор щебнисты и круты. Гребни зазубрены и остры. Растительность, как и везде в Гоби, всецело зависит от дождя, хотя, говоря вообще, она несколько богаче растительности бэля или равнинной пустыни. Зависит это обстоятельство от несколько большего количества влаги в почве, от меньшей интенсивности ветров, лучшей инсоляции и большего (особенно в высоких хребтах) количества осадков. Из растений для гобийских гор характерны: несколько видов полыни, мелкие злаки; по долинам, где блика подпочвенная вода – дэрэсу. Из кустарников – колючий, с мелкими жесткими темно-зелеными листьями, дикий персик (буйлис) и реже, карагана. Весной буйлис обильно цветет мелкими розовыми цветами. На окраинах гор к этим двум видам примешивается ряд равнинных кустарников. В некоторых хребтах южной цепи Гобийского Алтая встречаются отдельные деревья пустынного ильма (*Ulmus campestris*).

Вода в гобийских горах встречается в виде нечастых маленьких ключей и довольно многочисленных колодцев. В колодцах, как правило, вода прекрасная в противоположность равнинам. Кроме того, в очень узких, а потому всегда затененных щелях между скалами, в чашеобразных углублениях, выбитых за тысячелетия в камне протоками во время редких здесь ливней, также сохраняется вода. Такие водоемы служат излюбленными водопоями для горных козлов, прекрасно знающих каждую такую выбоину.

* * *

Фауна гобийских гор мало разнообразна. Из крупных копытных встречаются горные бараны (аргали, угольцзин) и козлы (янгер, яман-гурес). В окраины гор забредают антилопы, хара-сульты (боро-цзере) и, очень редко, хуланы. Из хищников характерен барс, повсеместны волк и лисица. Барс (ирбис), аргали и янгер составляют весьма характерную для фауны Гобийского Алтая тройку. Из птиц следует отметить бурого грифа (тасы) - огромную птицу с размахом крыльев до сажени, затем ягнятника (йола) – очень красивого хищника; многочисленны, довольно пестро окрашенные, но, тем не менее, почти незаметные в камнях, скалистые куропатки (йоту), хлопотливое клохтанье которых слышно в каждом ущелье. В некоторых наиболее высоких хребтах (Гурбан-Сайхан, Нэмэгэту) встречается, так называемая, горная индейка, или уллар (хойлык). Из

мелочи, помимо редкого стенолаза – оригинальной, пестро окрашенной птички, напоминающей образом жизни дятла, следует упомянуть многочисленных завирушек и прелестных, окрашенных в нежный светло-розовый цвет, пустынных вьюрков. Во время полета, по ущельям и кустам ютятся много пролетных пичужек.

О крупных млекопитающих следует сказать подробнее, так как они имеют некоторое значение в местной экономике.

Горный баран, или аргали, водится, в том или ином количестве, во всех значительных хребтах Гобийского Алтая. Старые, украшенные огромными рогами, самцы достигают 8 пудов веса. Самки, тоже имеющие небольшие рога, всегда меньше. Держатся аргали обычно в горах с более мягкими очертаниями или в каменистых холмах предгорий. Скалистых мест решительно избегают. Бродят горные бараны обычно небольшими стадами (от 3-х до 15 голов). Встречаются и одиночки. Кормятся утром и вечером. Лежки устраивают, разгребая щебень копытом, где-либо на склоне; летом обязательно в тени крутой горы или скалы. Лежат очень чутко, а серая или буроватая окраска прекрасно скрывает их среди камней. Аргали вообще весьма осторожны, особенно старики. Они способны час-полтора стоять совершенно неподвижно на каком-нибудь наблюдательном пункте и всматриваться и вслушиваться в окружающее, лишь изредка поворачивая голову. Вспугнутые уходят далеко. На рану крепки, поэтому местные охотники, промышляющие исключительно кремневками и имеющие, следовательно, возможность сделать лишь один выстрел, стараются подобраться возможно ближе и стрелять наверняка, что наиболее опытным и удается.

От убитого аргали местный охотник пользуется иногда буквально всем, так что на месте охоты остается лишь содержимое желудка и кишок. Мясо, довольно хорошего качества, идет в пищу, внутренности также. Шкура идет в выделку или, недоделанная, на подстилку. Волос, хоть и густой, плох – груб и ломок, напоминая волос изюбря.

В богатых зверем местах профессионал-охотник частенько бьет по 20-30 голов в год, имея, следовательно, почти всегда запас мяса.

Течка у аргали бывает в конце сентября. Молодые появляются на свет в конце марта.

В противоположность аргали, горный козел, или янгер выбирает самые дикие, самые бедные растительностью и богатые голыми скалами труднодоступные горы. Ловкость горного козла при лазаньи и беге по скалам просто изумительна. Образ жизни он ведет, примерно такой же что и аргали. Собираются янгеры стадами до 25-30 голов. Осторожны почти также, как и аргали.

Мясо худшего качества, нежели аргали. Шкура превосходна. Прочная кожа, прочный, густой, мягкий мех. Из них делают мешки, переметные сумы, очень охотно шубы, куртки и меховые штаны.

Гроза янгерых стад, за которыми он следует, барс — любит держаться в глухих, очень скалистых местах, где чувствует себя хозяином. Образ жизни ведет ночной и, при большой осторожности барса, увидеть его — дело трудное. Вместе с тем, бродит он широко и его характерный круглый кошачий след встречается довольно часто. Бить из ружья его приходится редко, иногда он попадает в специальные большие капканы с зубчатыми захватами. На человека не нападает, для скота опасен, так как свободно справляется и с лошадыю.

Кроме барса везде по горам держатся волки и лисицы.

Таково главнейшее животное население Гобийского Алтая.

* * *

Вследствие скудных пастбищ, население Гобийского Алтая довольно редкое, но горы всегда более насыщены, нежели пустынные равнины между хребтами.

Айли состоят обычно из одной-двух юрт, стоящих в очень удобных и уютных местах. Особенно тщательно выбирается место для зимовки. Юрту так прячут, что ее часто не заметишь и в 50 шагах.

Из скота разводят верблюдов, лошадей и очень немного крупного рогатого скота; близ Гурбан-Сайхана попадают сарлыки; в мелком стаде большое значение имеют козы.

Юрты обычно небольшие; в смысле чистоты и аккуратности производят лучшее впечатление нежели юрты северян. Топливо — сухой кустарник и, в меньшей степени, аргал.

Отдаленность торговых центров и, как следствие, дороговизна продуктов земледелия заставляют бедноту описываемого района изыскивать замену этим продуктам, что и делается с большим успехом. Имеется целый ряд растений, семена которых вполне съедобны. Главные из них сульхир, гойо, хара-суль, шарельчжа и хушь.

Сульхир — травянистый небольшой кустик, дающий семена, напоминающие мелкое просо. Растет исключительно на полусыпучих и сыпучих песках, появляясь в урожайные годы в очень большом количестве. Наиболее обилен в песках Алашани. Сбор семян происходит поздней осенью, в конце октября. К небольшим участкам песков, раскиданным по Центральной Гоби, стекаются со всех сторон партии сборщиков. Собранный сульхир тут же обмолачивается и везется домой уже в зерне. В хороший год небольшая семья запасает пудов 10-15 сульхира. Приготовление его

несложно: зерно подсушивают в чаше, слегка толкут, отвеивают шелуху и засыпают в чай. Получается мучнистая каша, довольно безвкусная. Гораздо вкуснее жареная мука из сульхира, но приготовление ее сложнее: намоченное в воде зерно прожаривают в чаше с небольшим количеством сала, а затем толкут на муку. Многие предпочитают эту муку, ставя ее выше плохой ячменной дзамбы.

Гойо – оригинальное растение-паразит, растущее на корнях некоторых кустарников, главным образом, хармыка, в местах с песчаной почвой. Оно имеет вид красной кочерыжки, торчащей из земли. Листьев нет. Корень его, в среднем до 3 см в диаметре, имеет сладковатый, вязущий вкус и весьма сочен. Его употребляют в сыром виде, а также, сушат впрок. Гойо растет раскиданно, отдельными экземплярами, а потому большое количество его собрать трудно. В горах гойо не попадается.

Хара суль – злак, также растущий в песках. Семена слегка напоминают рожь, вернее костер, но почти черного цвета. Его можно собрать довольно много.

Шарельчжа – полынь. Монголы различают морин-, хонин- и яман-шарельчжу. В пищу идут два последних вида – в них меньше горечи. Мелкие семена полыни толкутся, шелуха отдувается. Сваренные, эти семена дают маслянистую, горькую кашу, довольно сытную. К горечи после двух-трех чашек привыкаешь и в дальнейшем она почти незаметна. Навар морин-шарельчжи пьют при простуде, кашле. Он очень горек.

Хушь – очень мелкие семена одного из видов лебеды. Этот суррогат употребляется реже вышеприведенных, так как кроме кропотливости сбора очень мелких растений, семена их требуют многократной промывки для удаления горечи.

Китайская торговля в Гобийском Алтае, а также в южной пограничной полосе никогда не была, по-видимому, широко развернута. Путешествуя в этом районе (Дельгер-Хангай-ула и Гурбан-Сайхан-улаин хошуны) в 1925-26-27 годах, можно было наблюдать ее умирание. В прежние времена мануфактуру, бакалею, утварь и мелочи привозили торговцы из Пекина и Гуй-хуа-чена, а хлебопродукты (мука, зерновой хлеб, рис) – торговцы из Ганьсу (города Гань-чжоу, Су-чжоу, Ань-си). Последние в отличие от первых, именуется местными монголами “хасуй – майма”.

Причина меньшей развитости китайской торговли в данном районе заключалась в том, что подвижные гобийцы сами ездили торговать в Китай. Таким образом, они сдавали свое сырье непосредственно в крупных торговых центрах, минуя мелких посредников и заготовителей. Хлебопродукты получали по весьма низкой цене, почти непосредственно из первых рук. Товары фабричного и ремесленно-кустарного происхождения,

а также чай брали в крупных фирмах. Важнейшими центрами такой торговли были Куку-хото, Бауту и кум. Ловун-чимбу в горах Муни-ула, к западу от Бауту.

Осенью, обычно в октябре, в “аин” (путешествие) отправлялись почти все хозяева среднего и выше среднего достатков. Дóма оставались бедняки или семьи, в которых некому было ехать. Для более успешного продвижения собирались небольшими группами. В аин ездили не только мужчины, но и женщины и девушки, правда, как исключение. Для аина выбирали лучших верблюдов и шли обычно очень быстро, проходя по 50-60, даже 70 верст в день. Вся поездка занимала (для южной полосы) обычно 30-40 дней.

Такие массовые поездки за границу в настоящее время сильно сократились. Причина тому – ряд распоряжений правительства МНР, признавшего недопустимым массовый переход границы без должного надзора со стороны местной власти, таможен и ветпунктов. Теперь для того, чтобы выехать за границу, такому “аинчи” надо прежде всего запастись удостоверением от хошунного управления (одно время необходима была санкция аймака), а затем явиться с караваном в ближайший таможенный и ветеринарный пункты. Эта процедура, необходимая с точки зрения государственности, особенно ввиду событий в Китае, показалась многим непосильной. В то же время район еще почти не обслуживается Монценкопом и торгорганизациями СССР. Вследствие такого положения товарный голод в районе велик. Прошлой зимой очень многие из обитателей Гурбан-Сайхана, пользуясь хорошим в смысле травы годом, приезжали торговать в Улан-Батор, пригоняя с собой скот и везя кое-какое сырье. Но, несмотря на это, нужно признать, что южная окраина еще долго будет тяготеть больше к Желтой реке (Хатын-гол), нежели к Улан-Батору, хотя бы потому, что Улан-Батор отстоит от южной границы МНР значительно дальше, нежели торговые центры по Желтой реке. Кроме того, хлебпродукты, привозимые из СССР, вероятно, не выдержат в этом районе конкуренции в цене с китайскими, так как первым надо проделать по крайней мере втрое больший путь (считая от советской границы). То же, хотя и в меньшей степени, относится и к другим товарам. Надо надеяться, что в будущем Монценкоп или какая-либо другая организация, возьмет на себя снабжение населения широкой южной полосы МНР дешевым хлебом.

В заметке о торговле мы намеренно часто упоминали о хлебпродуктах и их суррогатах. Дело в том, что на юге хлеб (т.е. продукты земледелия) играет гораздо большую роль в питании местного населения, нежели в центральных степных районах. Вероятно одной из причин является меньшее количество молочных продуктов, так как наиболее удойный скот – крупный рогатый – представлен в районе крайне слабо.

За рубежом – в уратских хошунах, в Алашани и на Эцзин-голе – продукты земледелия пользуются еще большим распространением. Влияние земледельческого Китая там еще сильнее. Больше всего потребляется пшеница, главным образом, в виде “болсан-буда”, т.е. распаренного и подсушенного. Для его полного размягчения достаточно залить пшеницу горячим чаем. Понятно насколько пшеница это практично в дороге. В сыром виде пшеница встречается намного реже. Далее следует жареная мука (болсан-гурил, дзамба), сырая мука и рис. Но пшеница превалирует.

Таким образом, питание местного населения составляется из следующего: чай, молочные продукты (главным образом, из овечьего, козьего и верблюжьего молока), мясо домашних животных, продукты земледелия, мясо диких животных и суррогаты хлеба.

Об охотничьем промысле гобийцев вскользь уже упоминалось. Сейчас остановимся еще в нескольких словах на изготовлении пороха. Очень многие охотники, особенно бедняки, изготавливают порох сами: селитру они собирают на старых зимовках, где она кристаллизуется в толще бараньего помета; серу большей частью покупают у китайцев, хотя местами и есть незначительные ее месторождения; об угле говорить не приходится. Смешивая эти три ингредиента в определенной пропорции, охотник долго растирает смоченную водой смесь в чугунной чаше. Порох получается вполне пригодный. Ради экономии свинца этот же охотник никогда не преминет найти застрявшую в туше зверя пулю, чтобы снова и снова пустить ее в дело, так как навывлет пуля бьет редко.

Широко распространены капканы.

* * *

О природе Гобийского Алтая уже говорилось.

Между сгруппированными в несколько цепей его хребтами, которые все вытянуты с западо-северо-запада на востоко-юго-восток, залегают широкие пустынные участки, шириной от двух десятков до сотни верст. Во многих местах эти участки имеют вид громадных бессточных желобов. Перевалив эту цепь хребтов, путник спускается по бэлю этой цепи, переходящему постепенно в пологую покатость. Наконец, он пересекает самое дно желоба и также постепенно начинает подниматься к бэлю следующей цепи. Такие желоба по монгольски называют “хоолай”, то есть горло. И здесь пустыня, как правило, щебнисто-галечная. Лишь местами встречаются небольшие участки песков. Самые большие пески, справедливо именуемые на картах “Илисэн-ула”, то есть “песчаные горы”, тянутся узкой (в несколько верст) полосой по хоолаю севернее гор Сиврэ, Номохон и Дзолин. Общее их протяжение – около 60 верст. Особенно интересна их

западная часть, где постепенно понижающаяся галечная пустыня сразу переходит в огромные горы сыпучего песка, имеющие до 200 метров относительной высоты. Скаты этих колоссальных барханов очень круты, а пески почти непроходимы даже для всадника.

В этих хооляях нередко довольно обширные заросли саксаула, здесь уже достигающие высоты больше сажени. Вообще их растительность имеет вполне центрально-гобийский характер. Общая краткая географическая характеристика Центральной Гоби дана в статье, помещенной в №1 журнала “Хозяйство Монголии” за текущий [1928] год. Остается охарактеризовать самый пейзаж и его слагаемые.

Хотясь в течение двух месяцев в горах Ноин-Богдо (один из хребтов крайней южной цепи Гобийского Алтая), приходилось часто взбираться на острую вершину чрезвычайно скалистого и высокого массива Кукшин-Тахилга, бока которого иссечены глубокими провалами ущелий. Весьма большие трудности вознаграждались обширными горизонтами, раскрывающимися передо мной. Сзади взволнованное каменное море гор. Впереди, у ног, круто ниспадают разорванные ущельями скалистые обнаженные скаты Кукшин-Тахилги. Они сразу переходят в развертывающуюся огромной скатертью Великую Равнину Центральной Гоби, уходящую за горизонт. Суровостью, мощью и вечным покоем веет от этой равнины. Основной ее тон – желто-серый, переходящий у горизонта в дымчато-голубой. Маленькие группы холмов, одна-две разбросанные отдельные горки, даже синеющий на горизонте силуэт невысоких гор Хонгорчжэ – не в силах взволновать эту равнину. Своим бессилием они еще подчеркивают ее покой. Далеко, на юго-западном горизонте, в пыльной дымке дали блестят две серебрянные полосы. Это – озера низовьев Эцзингола – Сого-нор и Гашун-нор. По ближайшей к наблюдателю части пустыни танцует несколько смерчей.

Вся поверхность равнины щебнисто-галечная. Щебень покрыт корочкой пустынного загара, и вся пустыня матово поблескивает. Особенно красиво бывает лунной ночью, когда щебень кажется свинцово-черным и все кругом отликает свинцовым блеском. Пустыня здесь прорезана местами сухими руслами (сайр), особенно много их на бэле и в редких группах холмов. Вода в этих руслах бывает во время сильных ливней. Тогда пустынные скаты внезапно прорезаются целой сетью бурлящих мутных потоков, несущих с собой песок и вырванные кустарники. Через полчаса снова все сухо.

Растительность Центральной Гоби, как правило, имеет два яруса: нижний ярус представлен однолетними растениями, причем тут преобладает полынь (этот ярус появляется лишь в том случае, если в данном участке

были хотя бы один-два дождя, в случае засухи нижний ярус отсутствует); верхний ярус представлен рядом кустарников, из которых большинство не имеет листьев. Кустарники эти многолетни и зеленеют даже и в очень засушливые годы. Монгольские их названия – дзерген (эфедра, хвойник), шара-мото, нохой-шерин, торлык, шабак, иногда хармык; близ гор – карагана, буйлис и другие. Многие из них в сухом виде дают прекрасное топливо.

Мелкая однолетняя растительность распространяет свои семена довольно оригинальным образом: кустики многих видов шарообразны и после созревания семян очень слабо держатся на корню, поэтому достаточно задеть их ногой, чтобы они сорвались с корня и быстро, подсакивая на бугорках, покатались бы по ветру, рассеивая постепенно свои семена. Проходящий караван сбивает их сотнями и тысячами.

Кустарниковая растительность распределена по Гоби очень неравномерно. В местах, где подпочвенная вода очень далека, их мало, а то и нет вовсе, и путник видит громадные площади совершенно обнаженной пустыни, где, кроме щебня, ничего нет.

Саксаул (дзак) и тамариск (сухай) распространены спорадически. Тамариск попадаетея обычно вблизи воды и то редко. Настоящее его царство южнее, на Эцзин-голе. Саксаул же нередок и, как правило, растет большими насаждениями, тянущимися иногда на несколько верст. Эти саксауловые “леса” производят довольно унылое впечатление, так как листьев у этого кустарника нет. Белесовато-серые искривленные, узловатые стволы и ветви, отсутствие тени, масса погибших полузанесенных песком стволов – вот характерные черты такого леса. Близ воды и на песках саксаул развивается гораздо пышнее, нежели на галечных площадях, достигая 3-4 метров высоты. Это уже почти дерево. На поделки древесины его не годится и единственное ее применение – как топливо. Горит саксаул хорошо и угли его обладают способностью весьма долго сохранять жар. Сочные стебли саксаула охотно едят верблюды.

Любопытной особенностью Центральной Гоби является наличие в ней настоящих деревьев. Это пустынный ильм и разнолистный или евфратский тополь (хайялс и тоорай). Деревья эти растут там, где близка подпочвенная вода, образуя местами небольшие рощи. Меридиан Эцзин-гола служит резкой границей между этими видами. К западу от него область тополя, к востоку – ильма. Очень странно видеть среди бесплодного галечника аллею раскидистых темно-зеленых ильмов, обрамляющую какое-нибудь сухое русло. Северная граница обоих видов в описываемом районе – южная цепь Гобийского Алтая.

Около многих колодцев Центральной Гоби имеются небольшие

скопления песчаных барханов, поросших саксаулом, тамариском и хармыком. Такие барханы по-монгольски называют сондок.

Из животных Центральной Гоби уже упоминалась хара-сульт. Западнее меридиана Эцзин-гола нередок хулан (дикий осел), собирающийся иногда сотенными стадами. Из хищников обыкновенны волк, лисица, корсак (кярса), встречающиеся, впрочем, не очень часто. По зарослям близ воды иногда попадает пустынная рысь и цогонда – особый вид дикой кошки.

Грызунов очень много. Особенно песчанок, селящихся большими колониями в песчаных местах. Песчанка – зверек, похожий на длиннохвостую крысу.

В песках же довольно часты змеи, очень много ящериц, нередки скорпионы, фаланги (ядовитый паук – цаган-теме), тарантулы.

Население Центральной Гоби очень редко, западная ее половина почти безлюдна.

Тот, кто путешествовал по Центральной Гоби, никогда не забудет ее оригинальную природу, ее безграничные просторы, часто еще неведомые европейцам, своеобразную прелесть оазисов и незабываемые зори.